

Мы уже долго сидим в кабинете, и он наливает нам растворимого кофе. Кофе был очень горячий и сладковатый, а Юн Пал всё извинялся, что заваривает такой по привычке.

Его рассказ и этот водянистый кофе сполна дали нам представление о том, как тяжело было в Зоне, где ты пьешь кофе не для того, чтобы посмаковать вкус, а чтобы просто выжить.

Я решаю продолжить, пока господин Юн Пал задумчиво смотрит в окно.

— Наверное, все было очень плохо.

— Конечно. Это сейчас я говорю так просто, а тогда у нас не было ни мечты, ни надежды. Люди отдавали свои жизни, чтобы вытащить нас из этого Ада. Добавьте к этому скудный запас продовольствия и медикаментов и страх, что в любой момент по наши души придут солдаты. Но знаете, что было еще хуже?

При этом вопросе в комнате воцарилась тишина. Камера запечатлела, как он смотрит на нас такими печальными глазами, а я даже не мог ответить.

— Я проплакал всю ночь, потому что не знал, как сказать детям. Конечно, они знают, что остальные просто опоздали, и что завтра все будут здесь, но как я, трус, могу сказать им настоящую правду? Они еще недостаточно взрослые, чтобы знать о жестокости и несправедливости жизни.

Юн Пал закрыл глаза, нахмутив брови, перед его глазами наверняка промелькнули болезненные воспоминания о том дне. Его дыхание участилось. Несмотря на то, что прошло четыре года, боль все еще оставалась, словно шрам на его коже.

— Я просто не смог уйти. Не хотел уходить из Зоны, хотя братан со Старым всегда убеждали это сделать. Я остался на границе и ждал-ждал, что они придут. И все остальные ребята, как и я, тоже ждали. Братан как-то давненько говорил мне, что нельзя сидеть, сложа руки, но я тогда совсем позабыл его слова. Словно наркоман, сидел днями и ночами, забыв об усталости и голоде, и смотрел на границу. Живой мертвец, да... Но тут пришли люди, и знаете, кто это был?

Господин Юн Пал улыбнулся впервые с тех пор, как начал с нами разговаривать, и порылся в карманах. Из своего потрепанного бумажника он достал небольшую, размером с ладонь, фотографию и показал ее нам.

На ней изображена группа улыбающихся детей. Снимок, судя по всему, был сделан совсем недавно. Я никогда раньше не видел, чтобы СМИ показывали что-то подобное, и изо всех сил старался успокоить свои нервы, глядя на него. Вскоре я спросил.

— Это же...

— Да, наши дети. Сильно выросли, правда?

Многие читатели интересовались, где сейчас дети, но люди, о которых была написана эта книга, старались избегать прессы и всеобщего внимания, поэтому интерес постепенно сошел на нет. Ходили лишь слухи о том, что они покинули страну.

Но это не помешало обществу захотеть узнать, что случилось с детьми, и я, как один из любопытствующих, теперь рассматривал фотографии, переполненный эмоциями.

Количество детей в "Списке Эдема" и количество детей на групповой фотографии было абсолютно одинаковым. Квак Дон Юн, человек, который жил так отчаянно, сумел сделать то, что другие считали невозможным.

Я осторожно передал фото обратно господину Юн Палу.

— Так вот, в тот день в мою палатку пришли наши дети с твердым намерением наконец двигаться в путь. Понимаете, о чем я? Они больше не хотели оставаться там, где перенесли столько боли и страданий. В тот момент я почувствовал себя таким жалким. Не только я, но и все взрослые были разбиты. Все мы просто забыли, что то, что Они нам оставили, не должно быть трауром. А дети это понимали, вот и пришли утешить. Че Ён тогда просто взяла меня за руку, и мне стало так больно. Она и все дети напомнили мне брата. Знаете, иногда боль и страдания останавливают человека. Он словно бродит во тьме. Так и я. Всё продолжало идти своим чередом, сколько бы я не винил себя. Мы были единственными, кто изменился, но всегда есть шанс начать сначала, так же, когда ты с новыми силами открываешь глаза утром на следующий день. Кто мне это сказал? В книге прочитал или это цитата известного человека? Нет, я сам это понял, ведь нас уже направлял маяк, и оставалось только идти по его следам. Тогда я, наконец, отпустил страх.

С этими словами он встает со старого кресла и медленно идет к окну, глядя в небо и издавая звучный вздох. Некоторое время он молчал, пока наша команда молча снимала его спину. Затем Хе Юн Пал продолжил свой монолог.

— Когда я пришел в себя и стал готовиться уходить, то, собирая вещи, обнаружил сумку, полную золота, дорогих часов и разных драгоценностей, которые братан собрал для нас. В Зоне всё это не более, чем безделушки, но зачем он тогда их взял? Все знали ответ. Мы ушли из приграничного района, больше похожего на гетто, и направились туда, где больше всего беженцев. В условиях хаоса эти вещи ценились так же, как деньги. А если у тебя есть деньги, то можно не только купить всё, что нужно, но и поддельные паспорта организовать. Потом мы, разжившись необходимым, решили идти каждый своей дорогой, а чтобы сохранить память, составили список выживших, в котором записали свои имена.

Я поднял глаза, в голове мелькнула мысль, и я понял, что то, о чем многие читатели и эксперты строили догадки, только что стало известно из рассказа господина Юн Пала.

— Так вот почему "Список Эдема"...

Он кивнул.

— Да, верно. Денег у нас не осталось, чтобы купить бумагу и ручку, и мы взяли старую ручку Monami, а в качестве бумаги — бумажную салфетку, которые нашлись у Канга. Ужасно, не правда ли? Однако, для нас это было, как Библия, доказательство того, что мы действительно выжили.

Камера записывала его слова, но я судорожно строчил в блокноте, стараясь не пропустить ни слова. Однако, господин Хе Юн Пал так и продолжал монолог, глядя в окно.

— За день до нашего расставания господин Чан Сик держал меня за руку и сильно рыдал. Мы были знакомы ничтожно мало, но я без колебаний дал волю слезам. А на следующее утро, когда все ушли, Чан Сик, оставшийся последним, сказал: "Ты держись...Только один год, пожалуйста, останься в живых хоть на один год". Один год? Я мог бы прожить десять лет, сто лет, ожидая брата и Старого, но к чему он это говорил? Вообще, я дал обещание. И вот мы жили, скрываясь, как крысы, а через год Чан Сик выполнил свою работу. Люди восстали, правительство сменилось...И когда все закончилось, меня спросили: "Ну, ты рад?". А я ответил, что еще не время.

Господин Хе и его коллеги еще не закончили борьбу, делая страну безопасной, защищая людей от тварей и мутантов, которые рвутся через границу из Зоны.

Я задал ему последний вопрос, чтобы завершить интервью.

— Ходят слухи, что новое правительство дало вам соглашение на операцию, за которую вы давно выступали. Эксперты прогнозируют ее начало через три месяца. Это правда?

Он кивнул.

— Да. Не знаю, какие вам там эксперты сказали, но они правы. Как только придет весна и растает снег, мы пойдём в Зону и вытащим тех, кто там остался.

Мои коллеги попрытали глазами, а я замялся, собираясь задать щекотливый вопрос.

— Но ведь есть и противники этого?

— Противники? — удивленно переспросил Юн Пал.

Младший коллега быстро покачал головой и схватил меня за руку, но я отмахнулся от него, встал и подошел к окну, чтобы спросить Юн Пала о концовке истории, которую очень хотел услышать.

— Военные признали, что в тот день нашли несколько неопознанных тел. Конечно, тела были выброшены, поэтому улики утеряны, но многие считают, что среди них могут быть останки Квак Дон Юна и Ом Чжэ Хёна. И даже, если они выжили, вы прекрасно знаете, господин Юн Пал, что это место...не является пригодным для жизни.

Все эксперты пришли к выводу, что те двое мертвы. Однако только команда Эдема опровергла утверждения экспертов и объявила, что будет проводить поисковую операцию самостоятельно.

Многие их поклонники и читатели были ошеломлены этим заявлением, а другие обвинили в безумии и погоне за призраками прошлого. Но Хе Юн Пал, лидер команды Эдема, никак не отреагировал на обвинения, а лишь готовился к операции, которая состоится через три месяца, и успокаивал своих товарищей.

Я закрыл глаза, готовый к удару по лицу за столь грубый вопрос, но вместо кулаков и гнева мне в лицо полетел смех. Когда открыл дрожащие глаза и посмотрел прямо, господин Хе открыл окно и наслаждался дуновением ветерка.

— Сестрица Су Рён иногда говорит, что книга, которую она издала, незакончена, и я тоже так думаю. Только двое могут написать последнюю главу этой длинной истории, наш эпилог. Мы очень хотим с ними встретиться...и наконец сказать, что этот путь окончен.

Дневник, найденный в детской сумке, так и не был окончен, ведь его владелец исчез. Многие ждут счастливого конца, но понимают, что это невозможно. Но только те, кто прошел с Ним тернистый путь, верят, что продолжение этой истории еще будет.

\*\*\*

В конце интервью Хе Юн Пал задал мне такой вопрос.

— Вы читали книгу? Если да, то вы наверняка видели приложение в конце, потому что в этом приложении есть моя любимая цитата, которую написал нам сам братан.

В одной руке он сжимал трещащую рацию, а другой начал натягивать снаряжение. Его форма была грязная и заштопанная, но когда он поднял пистолет, то выглядел точно так же, как и те, кого мы видели в репортажах. Выйдя за дверь, он сказал нам.

— Господа журналисты, после долгой зимы всегда наступает весна.

Он произнес очень известную фразу. И когда уходил, наша команда запечатлела на камеру последний кадр.

— Весна наступает, а мне пора идти к братану.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4877037>